«Каменный гость» в женском монастыре, или «православная уфология»

> «*Активным популяризатором творчества русского гения неожиданно выступил... переславский Свято-Никольский женский монастырь во главе с игуменией Евстолией (Афониной). Именно 66-летняя матушка Евстолия — петербурженка, окончившая питерский институт театра, музыки и кинематографии, стала инициатором установки этим летом напротив монастыря величественного памятника Достоевскому работы скульптора Сергея Бычкова. И она же по благословению епископа Переславского и Угличского Феоктиста организовала в монастыре чтения “Достоевский и православная традиция”, на которые съехались достоеведы из разных городов. <…> Увиденный наутро напротив монастыря памятник русскому гению впечатляет. Трехметровая бронзовая фигура писателя, чуть склонившись, идет со свечой в руках. За скульптурой высится красная пятиметровая кирпичная стена, раскрытая “книгой”. На ней золотом выписаны слова старца Зосимы из “Братьев Карамазовых”: “Мир есть рай, ключи у нас”. Внизу в кирпичной книге прорезь, посмотрев сквозь которую с обратной стороны монумента, видно, что Достоевский идет прямиком в ворота монастыря*» (Газета «Культура». Переславль-Залесский становится центром достоеведения).

Фото: Газета «Культура»

Со стороны, однако, картина выглядит несколько иначе. Перед нами скорее фигура гуманоида, представителя «внеземной цивилизации», характерные признаки его изображения, которые используются в субкультуре так называемой уфологии: «сверхчеловеческий» рост (на фоне которого пигмеями

выглядят иереи и монахини, вышедшие встречать «каменного гостя» с монастырским хлебом и солью), рептиловидное строение скелета (гибкость ящерицы и вытянутость змеи), непропорционально большая голова (как выражение масштаба «космического разума»)… Не хватает только пучеглазости насекомого для полноты образа («А почему у тебя такие большие глаза? – Это чтобы лучше видеть тебя… А почему у тебя копыта и хвост? – Да это… не обращай внимания… атавизмы космогонии»).

Отсюда – и соответствующие «неземные глаголы», которые на телепатическом уровне изрекает «пришелец», а именно, сама высеченная на памятнике «эпитафия ортодоксии»: «*Мир есть рай, ключи у нас*». Казалось бы, ересь сообщения очевидна. «Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее; и дам тебе ключи Царства Небесного» (Мф 16:18-19). «Ключи от Царства» переданы Богом Церкви. И вся суть почвенничества (религии Достоевского) как раз и заключается в том, что «Церковью» (и даже «Богом») здесь является сам род человеческий (передовой народ и в исторической перспективе – всё человечество).

> «*Бог есть идея человечества собирательного, массы, всех*» (Достоевский Ф. Социализм и христианство. Записная тетрадь 1864-1865 гг. / Д.,XX, 191).
>
> «*Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви*» (Достоевский Ф. Дневник писателя. 1881, январь, гл.1,IV / Д., XXVII,18).

То есть, это учение гностического типа, квазирелигиозная мифология о «всечеловечестве» как духовной «плероме», которая «во время оно» была «единой» и составляла «Бога», а потом «согрешила» (против собственного «святого единства») и распалась на индивидуумов. А теперь, стало быть, это «падшая» Мировая Душа последовательно проходит через исторические

стадии необходимой теогонии как «восстановления единства». Отсюда – идея самоспасения как основная в «сотериологии» Достоевского.

> «*В чем закон этого идеал* [гностического «Христа» Достоевского. – А.Б.]? – *Достигнуть полного могущества сознания и развития, вполне сознать свое я — и отдать это всё самовольно для всех. В самом деле: что станет делать лучшего человек, всё получивший, всё сознавший и всемогущий?*» (Достоевский Ф. Социализм и христианство. Записная тетрадь 1864-1865 гг. / Д.,XX, 192).

Это самое «русское народное всемогущество» и вложено в уста гуманоида Зосимы, проникшего в Оптину пустынь, приняв образ святого «старца». Однако данная «марсианская атака Земли», как мы видим, со страниц романа уже перешла в реальный мир. Монумент «Другому» установлен перед святой обителью, а его «астральный» дух уже царит в самих ее обитателях. Иными словами, они сами уже стали отчасти «другими». Поэтому никого из них не коробит осужденная Вселенской Церковью ересь гностического самоспасения, и они сами с «умилением сердец» готовы передать «ключи Царства Небесного», отданные Христом Своей Церкви, в шестипалые руки этого милого существа. Поспособствовал тому, конечно, и «гнозис», когда-то полученный игуменьей Евстолией в Санкт-Петербургском Институте театра, музыки и кинематографии, который она не оставила за порогом монастыря, но взяла на себя «послушание» все это «добро» «воцерковить», как это теперь в РПЦ принято, то есть, в рамках кураевской концепции «православной культуры». Таким образом, все это «другое» она же сама и пронесла контрабандой в стены монастыря, получив на то все необходимые благословения священноначалия, которое тоже падко до «нравственных красот» этого «другого» («*и она же по благословению епископа Переславского и Угличского Феоктиста организовала в монастыре чтения “Достоевский и православная традиция”, на которые съехались достоеведы из разных городов*»).

А если уже само духовенство и монашество духовно ослеплено и оглушено этим гностицизмом, то какой спрос со светских деятелей культуры, веками живущей этим родом «духовности».

> «*Доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета Александр Моторин в докладе “Православная софийность в творчестве Достоевского” рассказал об особом значении имени София для писателя. <…> По утверждению Моторина, “со времен Петра I, вместе с развитием масонства, в русской истории и отражающей ее словесности появились Софьи, являющие в личностях и судьбах возможности магического гностического, а не православного осмысления этого имени...”. “Духовная борьба Православия и магии в осмыслении божественной софийности бытия проходит через всю русскую словесность XVIII–XX веков и продолжается до сих пор. Творчество Достоевского находится в этой борьбе на стороне Православия”, — постулирует Моторин. Он также акцентировал внимание на одну из основных идей Достоевского: мир спасается и будет спасаться через Россию и русский народ*»

(Переславль-Залесский становится центром достоеведения).

Иначе говоря, «борец с гностицизмом» сам оказывается его пособником, популяризируя почвенническое «спасение через народ», богословски тождественное масонскому спасению через духовную «самообратку» и нравственное «самосовершенствование». Собственно говоря, это всё термины Достоевского.

> «…*бог и царство небесное внутри нас, в самообладании, и свобода тут же*» (Достоевский Ф. Бесы. Подготовительные материалы / Д.,XI,131).

> «*Архиерей же добивает Князя* [в их полемике по догматическому богословию. – А.Б.] *обязанностью самовоскресения, самообработания – т.е. практического долга православия при таких понятиях, какие имеешь о православии*» (Достоевский Ф. Бесы. Подготовительные материалы / Д.,XI,195).

Поэтому как раз прямые ученики и духовные наследники Достоевского (Вл.Соловьев, С.Булгаков, П.Флоренский и все представители «нового религиозного сознания») и стали творцами отечественной софиологии.

Но, опять-таки, «гностицизм головного мозга» профессора от филологии не может удивлять, потому что это, как говорится, в порядке (или в самой природе) этих вещей.

> «*Доктор филологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета Ирина Дергачева пошла еще дальше, утверждая, что не только русский народ, но и “сам Достоевский принял символическую ответственность перед Христом за грехи человечества”. Она отметила, что эсхатологические вопросы поднимаются почти во всех произведениях писателя. При этом черновые записи Достоевского свидетельствуют о его планах написать поэму “Сороковины”, построенную на сюжете переведенного с греческого языка произведения “Мытарства Феодоры” из “Жития Василия Нового” — текста, отразившего представления о посмертной участи души в православной традиции, сообщила Дергачева*» (Переславль-Залесский становится центром достоеведения).

Удивляет эта же самая богословская дичь у православного духовенства. Одно дело, когда религиозный вольнодумец (почвенник как ряженный в косоворотку масон) претендует на то, чтобы быть «пророком», «иереем», «апостолом» и «Христом» в одном флаконе (в одной алхимической колбе гностического «Всечеловека»). И другое дело – когда сам иерей этому духовному проходимцу с Сириуса, этому Великому Комбинатору «русского народного православия», с радостью отдает «ключ от квартиры, где деньги лежат». То есть, «беспоповщина» (антиклерикализм) романтика умом как уроженца «иных миров» – это, опять-таки, стандартная ситуация, исторически сложившееся положение вещей.

> «*О чем плакал он?* [может быть, о грехах своих? – А.Б.]. – *О, он плакал в восторге своем даже и об этих звездах, которые сияли ему из бездны, и “не стыдился исступления сего”. Как будто нити ото всех этих*

бесчисленных миров божиих сошлись разом в душе его, и она вся трепетала, “соприкасаясь мирам иным”. Простить хотелось ему всех и за всё и просить прощения, о! не себе, а за всех, за всё и за вся, а “за меня и другие просят”, — прозвенело опять в душе его» (Достоевский Ф. Братья Карамазовы. Ч.3., кн.7,IV / Д.,XIV,328).

Какие уж тут попы с их ключами от Царства Небесного и какие монастыри как обители спасения, когда у тебя и так «*нити ото всех миров божиих сошлись разом в душе*». То есть, казалось бы, для священника это и есть его «клиент», его «пациент» в запущенной стадии духовной болезни «мнения о себе». Но не тут-то было. Явные симптомы этого же диагноза обнаруживает уже и сам врач, то есть, уже «иные» попы этой гностической беспоповщине, как оказывается, весьма и весьма сочувствуют.

«*Особенно ценными для меня были выписки из дневника писателя. Недавно, перечитывая их, я был весьма впечатлён: до чего же звучит актуально, современно, что называется, на злобу дня. Например: <…> “Без личного самоусовершенствования в духе христианской любви невозможно, в конце, концов, истинного разрешения ни для каких социальных и гражданских задач”. Или: “Окончательная сущность русского призвания заключается в раскрытии перед миром Христа, миру неведомого”. Или: “Наш народ принял в свою душу Православие, проникся им всецело, считает его целью своего существования, не зная ничего выше этой святыни, этой драгоценности, пронесённой им невредимо через все страдания”. Или: “Никакой муравейник, никакое торжество рабочего класса, никакое уничтожение бедности, никакая организация труда, не спасут человечество от ненормальности, а, следовательно – преступности… Зло таится в человеке глубже, чем предполагают лекаря социалисты, ни в каком устройстве общества не избегните зла, если душа человеческая останется та же. Потому что ненормальность и грех исходят из неё самой”*» (О единоверцах, Достоевском и китайском православии).

Собственно, тут вся масонская «сотериология» Достоевского сполна изложена. «Грех таится в глубине человека»… Однако не так глубоко, чтобы нельзя было его преодолеть путем «личного (нравственного) самосовершенствования»… Привет Карфагену, Эфесу и всем последующим Вселенским соборам, осудивших это «православие» как одну из страшнейших ересей в истории Церкви. Отсюда – и претензия почвенника «раскрыть» эту «сущность Христианства» всему миру. Отсюда – и его беспоповщина, в целом, и, в частности, сочувствие русскому расколу с его собственными гностическими корнями.

«*Особый интерес для меня представляет отношение Достоевского к старообрядчеству. Внешне он выглядел как стопроцентный старообрядец. Пожалуй, впервые плотно с представителем этой немалой части русского народа писатель столкнулся на каторге. В «Записках из Мёртвого дома» он писал о тягостной участи осуждённых, вынужденных долго «вариться» в кругу одних и тех же людей. Один из осуждённых, старообрядец, отличавшийся честностью*

и добрым отношением ко всем, сглаживал тяготы заключённых. Известно, что основатель Преображенского кладбища, ставшего центром старообрядцев-беспоповцев, И.А. Ковылин помог отцу писателя устроиться на хорошую работу. Есть данные, что Фёдор Михайлович неоднократно посещал могилу благодетеля своего отца. Род писателя по материнской линии – Майковых происходил из Боровска, одного из центров старообрядчества (здесь пострадала боярыня Морозова – в постриге инокиня Феодора). По свидетельству супруги Достоевского в его библиотеке было немало книг по старообрядческой тематике, в частности, "История Выговской пустыни" братьев Денисовых. На последних Рождественских чтениях, на секции по старому обряду о. Евгений Саранча из Михайловой слободы представил содержательный доклад о Достоевском. Из доклада запомнилось, что наш великий писатель посещал собрания "Общества духовного просвещения", где поднимался вопрос о снятии клятв со старых обрядов. Достоевский горячо это поддерживал» (О единоверцах, Достоевском и китайском православии).

Почему спасение для Достоевского возможно и в расколе? – Потому что оно возможно везде, где есть «нравственное самосовершенствование», ибо «ключи-то от рая у нас» в кармане. Поэтому у него и секс-революционерка Жорж Санд «истинная исподница Христова», и масон Гете, и т.д. по списку. Церковь (иерархия, таинства, благодать) – это все «суеверия темных (непросвещенных) веков». Как сказал один православный юзер в обсуждении этой темы на другом ресурсе:

«*Если бы старообрядцы возводили хулу, мы бы [никониане] не шли к ним на примирение, прося у них прощение. <…> Наши Таинства святые. А у них святее*».

Вот что делает чтение Достоевского с людьми. Тут даже нейрохирургия уже не поможет: так глубоко паразитирующее на Евангелии «другое» проникает в высшую нервную систему бывшего христианина. И суть этой подмены заключается как раз в той формуле нового гностицизма, что теперь красуется золотом напротив монастырских ворот: «*Мир есть рай, ключи у нас*». И ведь прямым текстом сказано, что «царствием небесным» адептов этой религии является «мир сей», поэтому и ключи от этого «рая» находятся у них самих как людей этого «мира», потому что «их бог — чрево, и слава их — в сраме, они мыслят о земном» (Фил 3:19). «…и сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: слухом услышите — и не уразумеете, и глазами смотреть будете — и не увидите» (Мф 13:14).

Таким образом, популярный сюжет голливудских фантастических триллеров о захвате земной цивилизации «космическими пришельцами» на наших глазах воплощается уже только в российском обществе (массовой культуре), но и в Русской Церкви. «Другие» уже среди нас. Следующим этапом стоит, видимо, ждать появления в переславском Свято-Никольский женском монастыре своей Терезы Авильской. То есть, подобного духовного опыта «соприкосновения мирам иным».

«Экстаз святой Терезы». 1652 год, Джанлоренцо Бернини. Часовня Корнаро в церкви Санта -Мария Делла Виттория в Риме.

Александр Буздалов